

ТАТЬЯНА
ФИЛАТОВА

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф51

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — А.А. Воробьев

Филатова, Т.
Ф51 Домик в деревне : [роман] / Татьяна Филатова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Триллер на ночь).

ISBN 978-5-17-190152-3

Кто не мечтает получить наследство от дальних родственников, о которых никогда не слышал? Именно это и произошло с Максимом: ему достался дом в российской глубинке от бабушки, о существовании которой он и не подозревал. Но чудесное лето, о котором он мечтал, превращается в жуткий кошмар. Что-то страшное и необъяснимое происходит с жителями деревни, но испуганные обитатели хранят мрачное молчание. Только старуха, которую односельчане называют ведьмой, могла бы помочь в разгадке тайны, но Максим не знает как к ней подступить, так как только от одного ее вида леденеет кровь в жилах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-190152-3

© Т. Филатова, 2026
© ООО «ЛитРес», 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Раз, два, три, четыре, пять —
Снова я иду искать...
Каждый спрячется в могилу:
Перережет кто-то жилу,
Кто — с обрыса, кто — с петлю.
Раз, два, три... Я тороплю...
Кто-то тихо сытнет яда —
Все в могиле ждут обряда.
Отыщу всех, чтоб опять
С ними в прятки поиграть.

Пролог

Началась эта история много лет назад...

На краю небольшой деревни в неказистом доме жила вдова с дочерью. Люди они были тихие, незаметные, ничем особо не отличались. Мать вечно копалась на огороде, работала на ферме, дочь пасла козу, поливала цветы в палисаднике или помогала по хозяйству.

Но случилось так, что дочь вдовы занемогла, да так сильно, что казалось, уже не оправится. Мать почернела от горя и забот. Но прошло лето, прошла осень, и девочка неожиданно выздоровела. Правда, стали за ней замечать странности, и странности эти были до жути неприятные.

Стала девчонка по деревне без дела шастать да как-то странно всем улыбаться и что-то приговаривать. Мать не знала, что и думать, а девчушка нравоучений не слушала, вела себя вызывающе — за полночь заглядывала в окна к соседям, пугала детей в люльках, старикам рожи корчила и шептала всякие гадости. А когда она бабке-соседке, сидящей на скамейке около своего дома, шепнула на ухо, что придёт к ней ночью и душу ее заберёт, вот тогда-то терпение у соседей и кончилось... Перепуганная до дрожи бабка бросилась сначала в церковь, а потом к подружке по соседству, рассказала про малолетнюю мерзавку. Подружка посоветовала к властям обратиться, но бабка наутро не проснулась. Вот тогда терпение у жителей деревни лопнуло, и стар, и мал двинулись к дому вдовы. Зашумели около избы, стали проклятия и угрозы выкрикивать. Мать перепугалась, бросилась к дочери.

— Что с тобой стало, Валюша? — запричитала она. — Кто в тебя вселился? Почему мы так всех раздражаем, что на нас с дреколем пошли?

— Как это «почему», мамочка? — спокойно ответила девочка, не обращая ни малейшего внимания на крики за окном. Она отложила куклу и холодно посмотрела в глаза матери. — Ты же сама просила, чтобы я не помирала. Говорила, всё отдашь, на всё готова... Вот я и не померла.

— Так это же не ты! — Женщина не могла унять слёз.

— А кто же, мамочка?

Девочка спросила это с таким ледяным спокойствием, что у бедной вдовы по спине пробежал холодок и заныло сердце. Она отшатнулась от дочери.

— Свят! Свят! — зашептала она, мелко крестясь. — Изыди! Чур меня!

— Матушка, — девчушка по-недоброму оскалилась, — ты вроде бы перепугалась? Или сердишься на меня? — И взгляд ее неживой, стылый словно ожёг сердце матери.

Вдова вздрогнула, побледнела как полотно и схватилась за грудь руками.

— Пусть бог меня простит! И тебя простит! Ступай себе с богом!

Дочь встала с лавки и двинулась к матери. Она смотрела на мать в упор, но сверкающий взгляд ее был неподвижен и мёртв.

— Не простит, мама. — Она подходила всё ближе и ближе. Неумолимо и неотвратимо. — Он такого не прощает. Ты разве запомнила, у кого помощи просила? Так вот же я — перед тобой! Здоровая и весёлая. Как ты и хотела! — Она распахнула руки словно для объятия.

Неожиданно женщина почувствовала горький запах дыма и кинулась к окну. Толпа соседей бесновалась. Огонь с треском лизал бревенчатые стены, тянулся к крыше. Она в испуге повернулась к дочери.

— Ты не моя дочь. Моя дочь была доброй...

— Вот именно, была... Она — была. А я — есть. И буду.

Женщина подбежала к двери, но дверь подпёрли снаружи, и она не смогла выйти. Девочка засмеялась. Смех ее становился всё громче, пронзительнее, и женщина схватилась за уши, боясь оглохнуть.

— Сгинь, проклятая! — застонала она, задыхаясь в клубах дыма. — Да, я умру, навер-

ное, я заслужила это наказание. И пусть огонь очистит мой грех. Мою душу. Но сгоришь и ты, дьявольское отродье!

Девочка спокойно покачала головой, села у треснувшего от огня окна и стала мерно баюкать куклу.

— Сгорю, — невозмутимо сказала она, — но ведь не сгину. Я дорогу с того света хорошо знаю, мама! И мстить я всем буду, уж поверь. А вот тебе уже не выбраться, мама...

Пылала горница, треск обвалившихся стропил и крыши заглушал крики поджигателей. Кто-то из них молился, кто-то плевался, а кто-то бранился. В дыму и копоти мелькали искажённые ненавистью лица людей. Но все разом вздрогнули и застыли от ужаса, когда над обвалившейся крышей чёрными клубами раздался и взвился к небу жуткий хохот. «Свят, свят, свят...» — зашептали сельчане, истово осеняя себя крестным знаменiem, и бросились от проклятого дома врассыпную.

Прошло два дня.

Никто не приближался к пожарищу, только вороны кружили над пепелищем. Отпевать

и уж тем более хоронить на православном кладбище, которое было совсем близко, не стали. Думали прямо там, на огнище, сгоревшие дотла тела и прикопать, но побоялись рядом с жильём нечистые души хоронить, а потому закопали у дороги, не доходя до кладбища.

Все хотели поскорее забыть пожар. Властям сообщили, что дом загорелся от печи. Вылетел огонёк, и вспыхнула изба. Власти развели руками — что же, бывает... Несчастный случай.

Да вот только через несколько дней девушка одна деревенская, лет шести от роду, придя домой вечером после игр на окраине села, сказала матери, что играла с Валькой — той самой, у которой хата погорела.

Мать схватилась за сердце, но дочери ничего не сказала.

С той поры всё и началось...

Глава первая

Стол был завален мусором так, что разобрать, что именно на нём находится, не представлялось возможным: грязные тарелки с присохшими остатками еды, кружки с несмываемыми кофейными и чайными разводами, несчётное количество пустых бутылок из-под пива и банок с энергетическими напитками, целлофановые пакеты и упаковки от еды быстрого приготовления, всевозможные блокноты, квитанции, журналы и смятые вырванные листы бумаги. По горе мусора ползали мухи, без труда находившие себе чем поживиться и где отложить личинки.

На полу картина была не лучше. Вокруг стола тоже громоздились разбросанные коро-

бочки от фастфуда, грязные рваные носки стояли колом, заляпанные футболки и ношенные трусы были похожи на половые тряпки — в стирку вещи Макс отправлял не чаще одного раза в месяц, причём старался всё своё грязное белье сразу вместить в барабан несчастной стиральной машины, чтобы обойтись одним циклом.

Босые ноги прилипали к грязному полу, поэтому, проснувшись, Максим предусмотрительно натянул первую попавшуюся пару носков, игнорируя большую дырку на пятке на одном из них. Максу очень хотелось в туалет, но сперва он всё же сел за компьютер, смахнув со стола на пол еще один смятый лист из блокнота. Он бросил беглый взгляд на часы внизу монитора — 13:15. Ого! Проспал почти восемь часов. Нормально.

Игра была открыта, персонаж Макса усиленно что-то продавал и покупал в то время, пока «его» человек спал. Макс проверил, удачно ли прошла торговля, и, выругавшись, всё же побрёл в туалет. Затем, зайдя на кухню, которая в чистоте не уступала комнате, поставил на плиту чайник, в подвернувшуюся под руку

кружку, предварительно оценив ее и найдя еще весьма пригодной для использования, насыпал две чайные ложки дешёвого растворимого кофе и три ложки сахара прямо из пакета.

Пока вода в чайнике закипала, Макс сунул нос в холодильник, прекрасно понимая, что ничего привлекательного там не найдёт. В коробке из-под пиццы с колбасой тоскливо лежал только подсохший вчерашний кусок.

Парень удивился, что не забыл убрать его в холодильник — наверное, он встал на путь исправления. Максим достал открытую баночку йогурта и, понюхав ее, понял, что полезные кисломолочные бактерии окончательно перешли на сторону зла. В лотке для яиц осталось всего два яйца, и Макс решил пожарить их и съесть вместе с куском пиццы. Сковорода была покрыта толстым слоем нагара и блестела от несмытого застарелого жира, но это опять же нисколько не смутило молодого человека. Пока яйца подгорали, чайник закипел, и Макс залил кофе. Размешивая его, он пролил немного на кухонный стол — коллекция разводов и пятен пополнилась еще одним затейливым узором.

Жареные, а точнее сказать, горелые яйца Макс положил на разогретый в микроволновке кусок пиццы, предварительно оторвав от него маленький кусочек.

— На, ешь, — сказал он, протолкнув кусочек пиццы сквозь прутья небольшой клетки. — Только не говори, что ты за ЗОЖ.

В клетке с большим удовольствием начал уплетать совсем не подходящий для него завтрак хомяк, который достался Максиму от его бывшей девушки Люси. Год назад, когда они решили жить вместе в этой маленькой съёмной однокомнатной квартире на окраине Москвы, Люся уговорила парня завести хоть какую-то живность. Люся съехала от Максима уже через месяц, а хомяк Жора живёт с ним и по сей день в холостяцкой берлоге. Не сказать, что Макс любил животных, но выбросить зверя он не смог и потому положился на мать-природу и информацию из Интернета, где прочёл, что обычно хомяки живут около двух лет. Два года — это не так уж много, парень решил не брать грех на душу и потерпеть, пока проблема с соседом по квартире решится естественным путём.

Завтракать Макс, как обычно, отправился в комнату — за компьютерный стол. Пустующий холодильник вынудил его проверить баланс своего счета, хотя он и без того знал, что увидит там лишь микроскопическое число. Так и вышло. Поэтому Максим зашёл на сайт, где висело его объявление о подготовке докладов, рефератов, курсовых работ и прочей бумажной писанины, которой были обременены студенты. Сам Макс бросил университет еще на втором курсе, однако знаний в области программирования, а также неплохих литературных способностей ему вполне хватало, чтобы зарабатывать на жизнь, снабжая менее умных, но более терпеливых к процессу учёбы молодых людей, решивших выучиться в вузе на программистов.

В личном кабинете висело два заказа. К своей импровизированной учебной подёнщине Макс относился куда чистоплотнее, чем к собственной жизни и, уж тем более, к месту обитания. Беспечная хозяйка квартиры, к счастью, не навещала его, потому что за аренду он платил всегда вовремя, а у нее помимо этой маленькой и недорогой хибарки имелись куда

более солидные апартаменты, которые требовали более пристального внимания для сдачи.

У родителей денег Максим не просил уже давно: с того самого момента, когда отец ясно дал ему понять, что отныне его сын — не самый желанный гость в их доме. Мама, к слову, не особо возражала против решения мужа. Их девятнадцатилетний отпрыск, вернувшийся из Москвы, «обрадовал» папу с мамой новостью, что они зря почти два года оплачивали его обучение в МГУ — ему там скучно, неинтересно, да и вообще зарабатывать деньги, как оказалось, он сумеет и без высшего образования. А то, чему его там учили, он давно уже постиг самостоятельно. Мама кричала, что он опозорил родную семью, что теперь их единственная надежда — это Леночка, младшая сестра Макса, которая в то время училась в восьмом классе и втайне от мамы мечтала закопать в овраге учебники и пуститься во все тяжкие подростковые приключения. Леночка была в курсе, что папа старательно копит финансы и для ее поступления в МГУ, а потому сознание девочки разрывалось между двумя соображениями: порадоваться за свободу брата